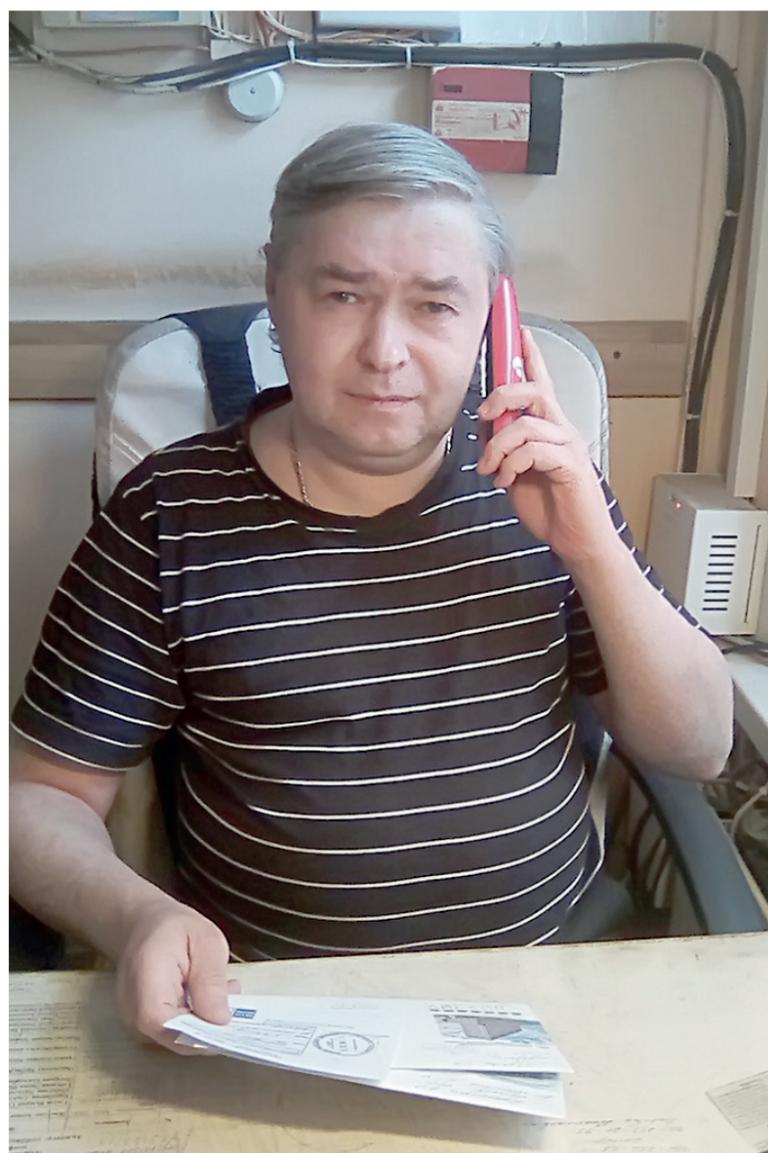
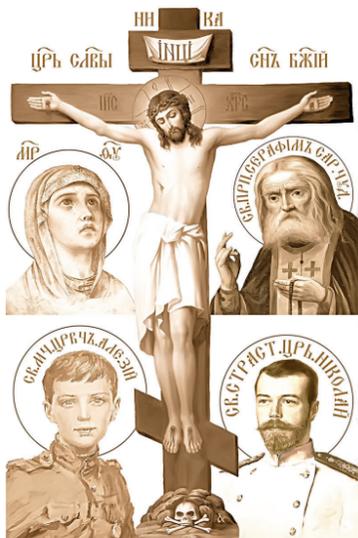

Он заступает на смену утром. И завершает рабочий день через сутки. После отдыха, сменяет напарника снова утром. И опять на сутки. Год за годом. Есть такие должности – кажется, будто заполняешь стандартную сетку дней – клетку за клеткой.

Я почти десять лет хожу по лестнице мимо, привычно кивая, не вглядываясь. Машинально желаю доброго дня, как всегда делаю это на пороге рабочего кабинета своему столу с монитором, кофейной чашке, календарю на стене. Какое мне дело до охранника! Как прохожий за окном. Бесстрастное лицо, коренастая фигура, рабочая одежда...

На посту

И вдруг тот кусок хлопка развернулся. Я едва удержала пакет с тканью на весу. Пристроила на край стола с охранной системой, который ненароком задела. Увидев воткнутую иголку с ниткой, почувствовала себя немного виноватой: вояка-то починкой занимается! Положила свой рюкзачок на подоконник и решила продемонстрировать любезность:

– Это штопка? Давайте помогу, дело-то женское...

Охранник молча переложил пакет на пустой подоконник и спокойно развернулся ко мне:

– Это вышивка. Самое мужское дело.

Я без слов прислонилась к оконному переплету. Ну и дела! И тут же отпрянула от стекла. Мой рюкзак у окна, видимо, привлек птиц – небольшая стайка устремилась с цветочных ящиков дома напротив и устроилась на подоконнике.

В тот день мне удалось вспомнить, что охранника зовут Анатолий Васильевич Соболев, ему сорок восемь, член ВОО. А главное – рассмотреть кусок ткани с вышивкой. На квадрате полтора на полтора в бежево-шоколадных тонах оказалась икона. Очи Спасителя прикрыли веки, Богородица молила о милости, Серафим Саровский сурово поднимал персты, а Царевич Алексей так светло и пронзительно смотрел прямо на зрителя, что захотелось опустить глаза. Если бы не трогательные снопики небрежно брошенных на полотно ниток для вышивки, нечаянно и так уютно устроившихся на ладони с четками Серафима Саровского, то можно было начинать молитву.

Дома я открыла интернет и погулила про пядьца и иголки. Ага! Вышиванием картин увлекались король Пруссии Фридрих Великий, король Франции Людовик XVI, герцог Арман дю

Плесси – он же кардинал Ришелье, именем которого назван один из красивейших видов вышивки. С пядьцами в руках проводят сегодня свободное время актер Виктор Сухорук, балетмейстер Николай Цискаридзе... Неплохая у охранника компания. Работают все они по канве разного рода, преимущественно по «Аиде» или по «Лугане». Номера размеров канвы варьируются от седьмого до двадцатого. Чем выше номер, тем мельче сетка канвы, квадратики которой оплетаются нитками, – тем более мелкую и кропотливую работу берет на себя вышивальщик, рисунок нежнее и элегантнее.

В следующую встречу с охранником после привычного «добрый день» как бы небрежно спросила: «Вы вышиваете по «Аиде» или по «Лугане»? А канва неужели самого из самых двадцатого номера? Охранник посмотрел с уважением.

Случается, он остается здесь на несколько суток. Второй дом! Особенно если областная организация проводит многолюдные фестивали или соревнования. Наверное, поэтому его аскетическое рабочее место – не совсем обычное. Мой взгляд не раз выхватывал интересные вещицы на столе, там, где обычно стоит письменный прибор и где висят ключи от кабинетов. Чудилось даже, что столешница таит какие-то ароматные секреты. Каждый раз посматривала, что вон в тех цветных жестянках с крышками? И однажды, к моему удовольствию, он потянулся к одной из коробочек. На вопросительный взгляд ответил:

– Вирджиния... В этой – из Мадрида, в другой – из Сербии. Вирджиния! В переводе с латинского – целомудренная дева. Под крышечкой оказался сухой лист необычайного аромата. Табак из Испании. Ох-

ранник Анатолий не курит сигарет из «Пятерочки». Вот такие привычки.

Профессию не скинешь со счетов. Он внимательно наблюдает не только за экранами, показывающими подъездные пути к зданию. Помнит даже то, что вчера и неделю назад происходило за окнами соседей из дома напротив... Я с любопытством поворачиваюсь к окну на лестничной площадке охраны и прикипаю к стеклу. О! Опять птицы! Усаживаются на подоконник и требовательно постукивают с той стороны.

– Весело тут у вас! – говорю Анатолию Васильевичу.

Он кивает, не отрываясь от монитора с картинкой автостоянки на улице. Не речист, да.

И все же слово за слово сегодня – завтра на ходу, и маленькие детали судьбы человека, на глазах которого проходит второе десятилетие жизни нашей большой общественной организации, понемногу проясняются.

Семейные корни – в Борском районе, в маленькой деревне Ежово. Там держала в руках хозяйство бабушка Антонина. Вот ее портрет, еще на одной вышивке.

Дочка Валечка, будущая мама Анатолия, родилась в ноябре 1941 года. Нахлебались в войну голода и холода через край. Но потихонечку поднялись на ноги. Валентину замуж выдали в Паркоммуну.

Я переспрашиваю:

– Куда выдали замуж?

И изумляюсь тому, как прозаично борчане сокращают высокопарное «Затон Парижской коммуны». Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим! Что нам какие-то французы!

– А дед воевал? – решила узнать накануне Дня Победы.

– Воевал, – кивнул он сдержанно.

Хозяин большой семьи дед Дмитрий с войны не вернул-

ся – сложил голову в Польше в 1944-м. Анатолий, кстати, тоже служил в Советской армии. В мирное время, конечно. Но долг Родине отдал, два года носил военную форму в Подмосковье. К этому времени семья уже жила на автозаводе. Ни военного лихолетья, ни дым заводских труб не сократили сроков жизни Соболевых. А мама Валентина вчера в свои без годка восемьдесят запросто отправилась через весь город в «Ашан» – «погулять». У нас редкие земли и редкие люди!

Как же вышло, что Анатолий начал вышивать? А вот проблема – из отрочества. Сестер и братьев ему Бог не подарил. Рос в семье один – и баловень, и помощник. Мама всегда была большая мастерица на рукоделие. Однажды вдруг надела ему на шею кошелек для монет. Связала из веревочек, это уже потом он услышал слово «макраме». Но и в ту пору мамин подарок выглядел стильно, весь двор на Северном поселке иззавидовался. Пацаны выпрашивали поносить «на удачу». И правда, кому доставалась очередь, тот обязательно получал в тот день от матери или бабки денежку на мороженое.

Кошелек спас Анатолию жизнь. Токарем в заводском цехе парнишка не удержал заготовку в станке – подвел зажим. Горячая металлическая стружка, которую снимает с вращающейся заготовки токарный резец, начала завиваться прямо ему на обнаженную кожу – рубцы от ожогов остались до сих пор. Он опомнился от боли и сумел нажать на кнопку только когда один из завитков попал на кошелек и дал долю секунды передышки.

Время – оно то гречневое

зерно, разворачивающееся в целую спасенную жизнь, то бесконечная лестница вверх, оглядываясь с которой вдруг осознаешь, что это был не подъем, а виток спирали. Сейчас как будто все времена сошлись в нулевой точке. Планета – что там жуткое средневековье! – оказалась в пандемии. Дожили до парадоксальных контрастов. Вселенские информационные потоки и запущенный микроскопический съедающий все живое вирус...

Но закон единства и борьбы противоположностей открыт давно. Я невольно усмехнулась, когда однажды в обеденный полдень увидела, как мужская рука держит крошечную иголку, выбирая курсором мыши в интернете сложнейшие команды и рисуя на экране библейские образы.

– Разрешено, – коротко прокомментировал Анатолий, по-своему поняв мою эмоцию. – Все по установленным канонам.

И добавил совершенно по-мальчишески:

– Мама всегда говорит, что я лентяй, берусь сразу за несколько дел, чтобы без дополнительных телодвижений.

Сегодня, когда я снова поехала в офис на Ильинку, увидела вдруг, как Анатолий открыл на своем командном пункте окно и высыпал на подоконник горсть крупы.

Так вот почему это место так любят птицы! Обживший его человек на своем жизненном посту, таком, казалось бы, прозаичном, сумел стандартную сетку судьбы – канву из клеток каждого дня «самого из самых двадцатого номера» – заполнить глубоким смыслом.

Лариса АНДРЮШИНА